

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА С УЧАСТИЕМ ЖЕНЩИН

Степнов Андрей Павлович, кандидат психологических наук, старший государственный инспектор Управления контроля и надзора в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций; la.stepnova@migsu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются существующие в научной литературе подходы к исследованию феномена террориста-смертника. Выделяются два типа женщин-смертниц: женщины террористки-смертницы как результат проявления политического или религиозного фанатизма («женщины-ваххабитки») и женщины с психологией «персонально мотивированного» террориста. На основе выявленных психологических факторов, детерминирующих поведение данных категорий террористок-смертниц, предлагается акмеологическая система превентивных мер, направленная на устранение психологических факторов, формирующих женщин-смертниц.

Ключевые слова: террорист-смертник, акмеологические стратегии превентивных мер, психологические особенности поведения женщины-шахидки как жертвы, нарушение личностной самоидентификации, героизация террористки, негативная идентичность.

Феномен террориста-смертника, в том числе женщины-смертницы, рассматривался преимущественно в следующих аспектах: политологическом (М.А. Адамова), социологически-гендерном (И.А. Ким), юридическом (И.Ю. Сундиев), конфликтологическом (А.Г. Караяни), социально-психологическом (В.Г. Мальшев), психологическом (Д.А. Нечитайло, В.А. Соснин), психолого-педагогическом (М.И. Марьин, Ю.Г. Касперович).

Отсутствие единого интегративного, комплексного подхода к исследованию феномена террориста-смертника требует системного акмеологического анализа его характера и разработки на этой основе акмеологической стратегии превентивных мер, устраняющих психологические детерминанты формирования женщин-смертниц.

Так, М.А. Адамова отмечает, что феномен женского терроризма и его роль в современном политическом процессе недостаточно исследованы в научной литературе, а мнения экспертов носят предположительный характер. Нет исследований, посвящённых статусу женщин-террористок в террористических организациях, методам их вербовки и психологической обработки. Несмотря на то, что женщины всегда были участницами террористических организаций, как отдельный политический феномен женщины-террористки стали рассматриваться совсем недавно [1].

Поскольку поведение женщины-террористки в русле виктимологии (учения о жертве преступления) специально не анализировалось, считаем, что изучение данного явления в русле виктимологических исследований позволит выявить глубинные психологические особенности поведения женщины-шахидки как жертвы, а также даст возможность разработать акмеологические стратегии профилактики проявлений экстремизма с участием женщин-террористок.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ТЕРРОРИСТКИ-СМЕРТНИЦЫ

Проведённый нами комплексный акмеологический анализ современного понимания женского терроризма позволил сформулировать типологию террористок-смертниц.

К *первому типу* мы относим террористок-смертниц, чьё поведение можно рассматривать как проявление политического или религиозного фанатизма (М.А. Адамова, В.Г. Малышев, В.А. Соснин, И.Ю. Сундиев).

На наш взгляд, психологическое основание фанатизма — нарушение личностной самоидентификации, что является основой формирования негативной идентичности. При отсутствии позитивной, целостной и устойчивой Я-концепции будущая террористка может некритично принимать навязанного извне кумира, воплощающего те или иные идеи.

В исследовании М.А. Адамовой выделены характерные мотивы женской террористической деятельности в русле политического фанатизма: желание изменить политическую систему, участвовать в легальной политической деятельности, стремление к социальному равенству с мужчинами, фанатическая потребность в некой политической идее, за которую нужно бороться до конца. В террористических организациях женщины участвуют не только как исполнители терактов, но и как идеологи, стратеги и руководители [1]. В этой же работе представлены особенности социально-религиозной модели женского терроризма: женщины используются в террористических организациях на низовом уровне, выступая в качестве дешёвого оружия; теракт осуществляется посредством самоподрыва, при этом экстремистские религиозные лидеры пропагандируют образ террористок как героинь и мучениц.

Психологическими инструментами формирования поведения женщины-смертницы в модели политического или религиозного фанатизма являются: героизация террористки, как погибшей за идею (политической или религиозной); подключение мотива мести за умерших родственников; слепое отстаивание религиозных идей в русле радикального ваххабизма.

Эффект героизации состоит в том, что человек, идущий на смерть ради абстрактной цели, обычно считает себя едва ли не «посланником свыше», «вершителем судеб», исполнителем собственного «высокого предназначения». Он уверен, что ему суждено стать спасителем хотя бы небольшой группы людей [10]. Для героизации в русле религиозного фанатизма характерны представления о том, что терроризм рассматривается как священная борьба от имени бога. Параноидизация, сужение сознания на идее священной борьбы приводит к тому, что аргументы о том, что нельзя убивать невинных людей, не работают. Для религиозных террористов-фанатиков терроризм — не политический акт, а отстаивание идеи создания общества в соответствии с исламскими догмами или, точнее, с агрессивными положениями ваххабизма и других религиозно-агрессивных течений в рамках ислама [8].

В.Г. Малышев анализирует социально-психологические детерминанты фанатичного поведения женщины-ваххабитки. Например, выросшей в радикальной ваххабистской среде 20-летней уроженке села Курчалой З. Элихаджиевой, взорвавшей себя на концерте рок-музыки в Тушине, с детства прививался культ мужчины. Когда в дом Элихаджиевых входил пятилетний мальчик, то его бабушки должны были встать перед ним. В такой же строгости воспитывалась и девушка. По оперативным сведениям, несмотря на юный возраст, она уже дважды успела побывать замужем, причём оба раза за арабскими наёмниками, которые также являлись ваххабитами. Браки совершались без согласия невесты, по решению её родного старшего брата. Оба брака распались, детей не было. Когда в бою с федеральными силами был убит старший брат, а через некоторое время и младший, женщина уже знала, что должна «отомстить» за братьев. Эксперты уверены в том, что ваххабиты, в течение нескольких лет формируя личную жизнь и мировоззрение девушки, целенаправленно готовили из неё будущую шахидку. Автор отмечает, что наряду с шахидками-вдовами или родственницами убитых боевиков известны шахидки-инвалиды, психически больные, умственно отсталые, люди с серьёзными заболеваниями. Взрывы в Пятигорске, возле входа на аэродром в Тушине, захваты заложников в Будённовске, Кизляре — в этих и других терактах принимали участие женщины, которым мстить было не за кого. Участвовавшая под видом журналистки в одном из покушений на бывшего Президента Чечни А. Кадырова 45-летняя жительница Гудермесского района Ш. Баймурадова была ин-

валидом в связи с психическим заболеванием. Из сестёр Хаджиевых из Старой Сунджи, 28 и 26 лет, принимавших участие в захвате заложников «Норд-Оста» в октябре 2002 года, младшая — умственно отсталая, образование 5 классов, больна раком лёгких, состояла на учёте в Грозненском тубдиспансере. Достоверно известно, что на момент совершения ими терактов-самоубийств никто из родственников этих погибших женщин не был убит [6].

Таким образом, в основе нарушенной самоидентификации женщины-смертницы, как правило, — крайне низкая самооценка, отсутствие позитивной Я-позиции, формируемые социокультурными и социально-психологическими условиями жизни. Именно эти психологические параметры служат основанием готовности к самопожертвованию в русле реализации фанатичного поведения женщин-ваххабиток.

И.Ю. Сундиев цитирует профессора А. Мерари из университета Тель-Авива о том, что задача рекрутёров террористических организаций — обнаружить тех, кто склонен к самопожертвованию, а затем усилить эту склонность. При этом могут быть использованы религиозные, патриотические мотивы. А. Мерари считает, что смертник — это почти всегда «последнее звено» в длинной организационной ячейке. Когда принято решение о теракте, требуется совершить несколько операций: выбрать цель, собрать информацию, найти кандидата на теракт, обеспечить его физическую и духовную подготовку, создать взрывное устройство. Как правило, смертники — это не фанатики, а инструмент в руках лидеров группировок для получения ощутимой пользы [10].

Если рассматривать поведение женщины-террористки первого типа (политический или религиозный фанатизм) с точки зрения виктимологии, можно сделать следующее предположение. Роль традиционной кавказской жены сменяется ролью жены-жертвы, готовой к исполнению любых желаний своего мужа, в том числе террористического акта, в том случае, если её муж — ярый приверженец ваххабитских религиозных и политических идей. Другими словами, если муж не ваххабит-фанатик, его жене свойственно поведение традиционной покорной кавказской жены, но не жертвы. Как только муж становится фанатиком, соответственно, жена также постепенно становится ваххабиткой-фанатиком, переходя в статус жертвы, готовой к самопожертвованию ради идей. Степень виктимности (жертвенности) женщины определяет то, насколько далеко она пойдёт в своём виктимном поведении вплоть до совершения террористического акта. И.А. Ким отмечает, что деятельность шахидки выходит за пределы предопределённых обязанностей (забота о доме, муже и детях) и приобретает, условно говоря, характер социального действия. Подобная ситуация возникает вследствие того, что женщина, изначально воспитанная в духе покорности мужчине, готова к исполнению мужских указаний вплоть до отказа от своей жизни и совершения убийств невинных людей [3].

При этом, в соответствии с догматами ислама, самопожертвование женщины не открывает ей дорогу в рай. В традиционном исламе отношение к самоубийцам отрицательное, согласно исламу женщина имеет возможность войти в рай, не совершая героических поступков. Так, в Коране сказано: «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете улажены». Таким образом, вопрос о вхождении в райские долины решается и без террористического акта [3]. Однако некоторые женщины полагают, что совершение самоубийства — это и есть мученическая смерть за веру, которая способствует попаданию в рай, куда женщинам дорога ранее была недоступна. Возможно, такое поведение женщины-ваххабитки мотивировано также изложенным в Коране условием пребывания в раю: оно возможно только для женщины, покорной мужу или мужчине: «Любая покойная женщина, муж которой был ею доволен, войдёт в рай» [3].

Таким образом, психологическое основание поведения женщины-ваххабитки — исполнение воли мужчины, в том числе и теракта. Из традиционной женщины-жены она переходит в роль жены-жертвы. Первичная мотивация такой женщины — быть покорной своему мужу, вторичная мотивация — быть покорной ему во всём, в том числе и в реализации его экстремистских идей. В этой ситуации женщина — инструмент в руках мужского экстремизма. Такое поведение становится средством женского духовного совершенства, которое может сделать её равной по добродетельности мужчине и открыть перспективы

райской жизни. Мужчина оказывается не только целью женской жизни, но и средством достижения совершенства.

И.А. Ким полагает, что участие женщин в террористических актах в качестве шахидок обусловлено не стремлением обрести собственную идентичность, так как нет смысла искать то, что имеешь в лице мужчины. Террористам очень выгодно использовать мусульманских женщин, воспитанных в атмосфере покорности и подчинению мужчине, в своих целях, а общество оказалось не готово к такому проявлению антигуманизма. Свообразие жертвенного поведения женщин-ваххабиток в случае религиозно-политического фанатизма — в их полной идейной идентификации со значимым мужчиной-террористом и вытекающим отсюда параноидным сужением сознания в сторону принятия постулатов Корана в части безоговорочного исполнения воли мужчины и принятия мученической смерти как дороги в рай. В условиях этой психологической готовности приказ мужчины к самопожертвованию — это пусковой крючок к реализации женщиной террористического акта.

Очевидно, что такое поведение женщины опасно для общества, в котором присутствуют радикальные взгляды в мужской среде. Так, к примеру, известно, что сексуальная жертва часто сама провоцирует насильников (короткие юбки, одинокие прогулки в людных местах). Женщины-ваххабитки также провоцируют преступников-террористов своей покорностью и готовностью на всё.

События в Одессе весной прошлого года показали, как молодые женщины, девушки с радостью готовили «коктейли Молотова» для уничтожения мирного населения. Женский героизм во время войны, на наш взгляд, обусловлен именно этими причинами.

По мнению некоторых авторов, религиозный фанатизм как психологическая причина теракта в исполнении женщины не является доминирующим фактором. Особенность женского терроризма на Северном Кавказе в том, что религиозные воззрения в меньшей степени влияют на мотивацию террористок [1].

Второй тип женщин-ваххабиток представлен группой, которую можно назвать «персонально мотивированный» террорист (М.А. Адамова, М.И. Марьин, Ю.Г. Касперович, В.А. Соснин, И.Ю. Сундиев). Основная психологическая причина реализации суицидального поведения этой категории женщин-ваххабиток — обесценивание собственной и чужой жизни как стремление избавиться от негативной идентичности и перейти в статус «мученицы»: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу, из чувства мести [8].

М.И. Марьин и Ю.Г. Касперович отмечают: желательнее, чтобы у кандидатов погиб кто-нибудь из родственников, причём неважно, в бою или как мирный житель. На этой основе в дальнейшем проще будет возбудить в них слепую ненависть. Идеальный портрет потенциальной смертницы — несчастная, одинокая, инфантильная [5].

Данный тип женщины-ваххабитки создаётся следующими психологическими методами:

- использование психотропных средств [1];
- сексуальное насилие над будущей женщиной-террористкой со стороны эмиссаров террористических организаций, при этом возможность совершить женщиной теракт преподносится их организаторами как единственная возможность спасти свою честь, перейти в статус «святой мученицы» [8];
- использование факта глубокой психологической травмы в результате потери мужа, детей, близких родственников, утратой социальных связей, моральной поддержки [8];
- активизация личных мотивов к активной мести у лиц, вступивших на путь самопожертвования, когда в семье есть пострадавшие в процессе противостояния с противником [10].

Таким образом, виктимизация в целом — это сложный процесс, который может включать в себя несколько этапов. Первый из них — первичная виктимизация — включает в себя взаимодействие между преступником и жертвой в процессе совершения преступле-

ния, а также последствия этого взаимодействия или самого преступления. Второй этап — реакция жертвы на преступление, в том числе возможные изменения в самовосприятии, а также формальные меры, которыми жертва может отреагировать на преступление. Третий этап — последующие взаимодействия жертвы с другими людьми, в том числе с представителями правоохранительных органов, к которым она может обратиться. Если это взаимодействие тоже оказывает негативный эффект на жертву, его называют повторной виктимизацией [13].

Повторная виктимизация — это дополнительная виктимизация, происходящая после первичной виктимизации. Примеры повторной виктимизации: обвинение жертвы, неуместное поведение или высказывания в отношении жертвы со стороны медицинских работников или других специалистов, к которым обращается жертва, а также другие действия, усугубляющие страдания жертвы [11]. Жертвы могут подвергаться повторной виктимизации также со стороны сотрудников правоохранительных органов. Теряя время и материальные ресурсы на бюрократические процедуры, жертвы часто подвергаются игнорированию со стороны судебных приставов и других работников судебной системы, не получают доступа к информации о своём деле, например, о переносе судебных заседаний. В результате их дезориентация и отчаяние могут приводить к апатии и отказу от участия в судопроизводстве [12].

Особенность виктимного поведения женщин второго типа (персонально мотивированные) в том, что эти женщины — дважды жертвы: когда лишились мужа или семьи и когда их в последующем насилуют и всячески унижают.

Как показали М.И. Марьин и Ю.Г. Касперович, следует особо отметить террористов-смертниц, так называемых чёрных вдов и невест Аллаха. Чёрные вдовы — вдовы или ближайшие родственницы погибших в боях членов незаконных вооружённых формирований. После смерти мужей или родных они становятся фактически рабынями боевиков. При их вербовке используется сам факт вдовства. Женщинам внушают, что они стали обузой для родственников. Им говорят, что они грешницы и наказаны Аллахом, который отнял у них мужа, а поэтому им нужно искупить грехи, исполнив долг перед своим народом. Эти женщины подвергаются иногда насильственной наркотизации, в ходе чего им бесконечно повторяют религиозные изречения на арабском языке. Слушая непонятные слова и совершая ритмичные телодвижения, они входят в транс, и в таком состоянии им внушается необходимость совершения акта самопожертвования [5].

И.Ю. Сундиев отмечает, что согласно традиции «кровной мести», когда в семье есть хотя бы один мужчина, никто не требует, чтобы женщина мстила за своего мужа или детей. Но когда никого не осталось, она последняя, одна в семье — значит, обязана мстить. Часто на совершение самоубийств идут женщины, члены семей которых были уличены в сотрудничестве с правоохранительными органами и политическими противниками, или, наоборот, погибли от рук врагов. Известны случаи, когда на совершение подобного теракта соглашались девушки, утратившие невинность вне брака. Самоубийство такого рода казалось им единственным выходом. И, наконец, женщины-смертницы в ряде случаев надеялись материально помочь своим семьям [10].

Активизация личных мотивов к мести у лиц, вступивших на путь самопожертвования, происходит в случаях, когда в семье есть пострадавшие в процессе противостояния с противником. Это касается и мужчин, и женщин. Между тем в отношении женщин на Кавказе ведётся целенаправленная работа: на основании положений искажённого ислама, общей атмосферы отношения родственников и ближайшего окружения создаются сложные, порой невыносимые условия жизни, подталкивающие на путь участия в террористической акции, сопровождаемой самопожертвованием. Не последнюю роль играет и материальный фактор. Так, например, брат сестёр Ганиевых, продавший их в банду, после совершения сёстрами террористической акции получил за каждую гонорар в размере полутора тысяч долларов, а З. Мужахоевой, прошедшей подготовку для самоподрыва в центре Москвы, бандиты обещали погасить долг перед родственниками.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Интегративный анализ позволяет определить типологию женщин-смертниц и работать на этой основе акмеологические стратегии превентивных мер, направленных на устранение психологических детерминант формирования женщин-террористок.

Первый тип женщин-смертниц (по типу религиозного фанатизма) для России менее актуален, так как российское государство поддерживает традиционный ислам, осуждающий насилие и запрещающий самоубийства, и активно ведёт борьбу с радикалами. Скорее, это проблема арабских стран. Однако превентивные меры со стороны государства необходимы как в среде мужчин для дальнейшей ориентации их на традиционный русский ислам, так и в женской среде в направлении эмансипации женщин. Частично можно использовать европейский опыт 1960–1970 годов по эмансипации женщин. И ориентация мужчин на российский ислам, и эмансипация кавказских женщин должны реализоваться в русле молодёжной политики посредством целенаправленного информационного воздействия с использованием современных информационно-психологических методов.

Идеологически эти направления работы основаны на том, что традиционный ислам проповедует мирное сосуществование со всеми народами независимо от их религиозной традиции. Совет муфтиев России неоднократно выступал с заявлениями, осуждающими терроризм и экстремизм как не имеющих никакой опоры в исламе. В Священном Коране убийство невинного человека по пагубности и степени греховности приравнивается к убийству всего человечества. Так, реагируя на теракты в московском метро, совершённые 29 марта 2010 года, Верховный муфтий России Талгат Таджуддин заявил, что мусульманские общины Центрального духовного управления мусульман России «гневно клеймят тех, кто решился на эти варварские бесчеловечные преступления» [Цит. по: 8].

Что касается второго типа женщин-смертниц (вторичная виктимность), на наш взгляд, это более актуально для России. Две чеченские войны, антитеррористические операции на территории кавказских республик сформировали женщин — потенциальных смертниц, готовых мстить за погибших родственников и на этой основе попавших в психологический плен (психотропное воздействие, сексуальное насилие) к радикалам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. *Адамова М.А.* Женский терроризм в современном политическом процессе: дис.... канд. полит. наук. — Пятигорск. 2007. С. 166.
- [2]. *Караяни А.Г.* О роли психологии в профилактике терроризма // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 37–40.
- [3]. *Ким И.А.* Гендерное неравенство в исламе: женский терроризм // Аналитика и культура. 2006. № 6. С. 11–18.
- [4]. *Ким И.А.* Женское участие в терроризме: религиозный женский опыт или женская дискриминация? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 3. С. 66–74.
- [5]. *Марьин М.И. Касперович Ю.Г.* Психология террористов-смертниц // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1 (48). С. 6–10.
- [6]. *Малышев В.Г.* Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности. — <http://www.iimes.ru/?p=3960#more-3960>
- [7]. *Нечитайло Д.А.* Террористы-смертники («умные бомбы») в движении джихада. — <http://www.iimes.ru/?p=5767>
- [8]. *Соснин В.А.* Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 52–55.
- [9]. *Соснин В.А.* Психология современного терроризма: Учебное пособие для вузов. — М.: Форум, 2010. С. 160.
- [10]. *Сундиев И.Ю.* Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: Монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2008. — 114 с.
- [11]. *Campbell R, Raja S (1999).* Secondary victimization of rape victims: insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence Vict* 14 (3): 261–75. PMID 10606433.

- [12]. William Victimology. — Burlington, MA: Elseiver, Inc., 2012. — ISBN 978–1-4377–3486–7.
- [13]. *James Dignan*. Understanding Victims and Restorative Justice. NY: Open University Press, McGraw-Hill Education, 2005. P. 23.
- [14]. Post-crime victimization or secondary victimization. Comprehensive Criminal Justice Terminology. Prentice Hall.

ACMEOLOGICAL STRATEGIES TO PREVENT EXTREMISM WITH WOMEN

Andrey P. Stepnov, Ph.D in Psychology, Chief State Inspector of the Department Control and Supervision in the sphere of Mass communication, Federal Service for Supervision of Communications, Informational technology and Mass communications; la.stepnova@migsu.ru

ABSTRACT

This article is considered within scientific literature the existing approaches to the study of the suicide bomb phenomenon. There are two types of women suicide bomb: women suicide bomb as the result of political or religious fanaticism («women-Achabeti») and women with psychology of «personally motivated» terrorist. On the base of detected psychological factors determined behavior of such categories of women suicide bomb, it is proposed akmeological system of preventive measures to eliminate psychological factors formed women suicide bomb.

Keywords: suicide-bomber, akmeological strategies of preventive measures, psychological features of behavior woman-Shahid, as a victim, violation of personal identity, glorification of suicide, negative identity.

REFERENCES

- [1]. *Adamova M.A.* Zhenskij terrorizm v sovremennom politicheskom processe: dis.... kand. polit. nauk. — Pjatigorsk. 2007. S. 166.
- [2]. *Karajani A.G.* O roli psihologii v profilaktike terrorizma // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2 (4). S. 37–40.
- [3]. *Kim I.A.* Gendernoe neravenstvo v islame: zhenskij terrorizm // Analitika i kul'tura. 2006. № 6. S. 11–18.
- [4]. *Kim I.A.* Zhenskoe uchastie v terrorizme: religioznyj zhenskij opyt ili zhenskaja diskriminacija? // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2006. Tom IX. № 3. S. 66–74.
- [5]. *Mar'in M.I. Kasperovich Ju.G.* Psihologija terroristov-smertnic // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2012. № 1 (48). S. 6–10.
- [6]. *Malyshev V.G.* Social'no-psihologicheskie aspekty uchastija zhenshin-smertnic v terroristicheskoj dejatel'nosti. — <http://www.iimes.ru/?p=3960#more-3960>
- [7]. *Nechitajlo D.A.* Terroristy-smertniki («umnye bomby») v dvizhenii dzhihad. — <http://www.iimes.ru/?p=5767>
- [8]. *Sosnin V.A.* Sovremennij terrorizm i problema motivacii terroristov-smertnikov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2 (4). S. 52–55.
- [9]. *Sosnin V.A.* Psihologija sovremennogo terrorizma: Uchebnoe posobie dlja vuzov. — M.: Forum, 2010. S. 160.
- [10]. *Sundiev I. Ju.* Terroristicheskoe vtorzhenie: kriminologicheskie i social'no-politicheskie aspekty problemy: Monografija. — M.: VNII MVD Rossii, 2008. — 114 s.
- [11]. Campbell R, Raja S (1999). Secondary victimization of rape victims: insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence Vict* 14 (3): 261–75. PMID 10606433.
- [12]. William Victimology. — Burlington, MA: Elseiver, Inc., 2012. — ISBN 978–1-4377–3486–7.
- [13]. *James Dignan*. Understanding Victims and Restorative Justice. NY: Open University Press, McGraw-Hill Education, 2005. P. 23.
- [14]. Post-crime victimization or secondary victimization. Comprehensive Criminal Justice Terminology. Prentice Hall.